

Эти заметки Лева писал, будучи тяжело больным, в Мюнхене, у Юли. Лева оказался очень мужественным человеком. Без возможности говорить, способный общаться только при помощи записок, постоянно прикрепленный к штативу с питанием, которое шло через капельницу в тонкую кишку, он ни на минуту не терял интерес к жизни.

Каждое утро раздавался его требовательный звонок, и внуки уже знали, что надо срочно ехать в киоск за свежим номером "Suddeutsche Zeitung", которую он внимательно просматривал. Новости по НТВ он неукоснительно смотрел.

И, как только самочувствие позволяло, он подталкивал свой штатив к письменному столу и садился работать над своей новой монографией. Когда материалы к книге, которые привезла Рут, подошли к концу, он, по настоянию близких, сел писать воспоминания. Их то я только что внесла в компьютер, чтобы разослать по электронной почте родным - Рут, Юле и Мише.

Мне было очень тяжело их печатать. Перед глазами прошла вся наша жизнь, которая так несправедливо быстро пролетела. Тяжело еще потому, что ужасно жаль Леву - человек более чем достойный, он всю жизнь себя недооценивал, занимался самоедством. На самом деле Лева фигура уникальная. Он всегда говорил правду - это в нашей - то стране! - не взирая на лица был всегда честен в своих оценках искусства, был высоко нравственным человеком. Прожить жизнь при советской власти с такими свойствами характера - нелегко. Но именно так прошел его жизненный путь.

Когда во время похорон выступали его коллеги, я только думала об одном - почему ему не дано было услышать эти слова - уважительные, теплые, личные, которые свидетельствовали о том, какое место он занимал в жизни этих людей и в послевоенной культурной жизни Эстонии. Это были не формальные слова, которые произносятся на панихидах, а чувствовалось, что эти люди говорят очень по-человечески и искренне.

Поскольку Левины воспоминания писались для семьи, для его жены и детей, я решила оставить всё как есть. Редактировала лишь отдельные грамматические несоответствия, и то по ходу печатания. Меня же воспоминания Левы окончательно подтолкнули к написанию истории нашей семьи - она пригодится следующему поколению, а возможно и последующим, если они еще будут знать русский язык.

Инна

(Инна Генс-Катанян – сестра Л. Генса (М.Р.)

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЬВА ГЕНСА.

(сокращенный вариант – М.Р.)

Дача - Эльва.

Мое детство прошло в летние месяцы в Эльве и почему - то хорошо запомнилось. Жили мы на улице Кярнери за вокзалом, где находилась наша дача. Эта улица вообще была еврейской, так как здесь размещались еврейские дачи. Все с верандами (по две-три), так как должны были размещать многочисленных родственников нескольких поколений вместе с нянями и кухарками. Наша дача (№17) до сих пор на месте, после войны Генсы ее продали. Участок довольно большой, отдельно огород, здесь дядя Носсон сажал картошку, клубнику и разные овощи. За дачей находилась хозяйственная постройка с двумя верандами, в сарае бабушка разводила кур. Они давали вкусные яйца, а когда надо было их резать, звали шейхета, он им резал горло по = кошерному, куры должны были истекать кровью.

Сама дача была двухэтажная, состояла из четырех квартир, в каждой велось отдельное хозяйство. Внизу слева жила бабушка, справа тетя Люба с семьей. На втором этаже слева тетя Церна, справа мы. Помню, что в двухкомнатной квартире одна комната была спальня

родителей. Там стояла двухспальная кровать в стиле «югенд» с сплошными металлическими спинками и каким-то затейливым орнаментом (очевидно по ненужности привезенная из города).

Ходили мы всем кланом купаться в речку, которая находилась рядом. Почему-то евреи с Кярнери предпочитали купаться в речке, до озера по другую сторону вокзала, нам казалось далеко. Зато по ту сторону вокзала стоял мороженщик со своей коляской, мороженое у него было вкуснейшее. Тогда мороженое подавали при помощи формочки цилиндрической формы, на дно клалась одна вафля, затем формочка заполнялась мороженым, потом формочка закрывалась второй вафлей и выдавливалась при помощи стержня. Формочки выбирались в зависимости от стоимости порции.

Жили мы с Fraulein Boehlendorff обычно вдвоем, когда родилась Инна, то втроем. Мама не любила сидеть в Эльве, ей было здесь скучно. Так как Fraulein не готовила, то мы брали еду в рядом находившемся прямо за забором пансионате Eidelkind. Это одно из моих самых сильных впечатлений детства. Fraulein шла в пансионат с посудиною, и приносила еду. Самые вкусные были куриные котлетки, я не помню, чтобы я ел что-нибудь более вкусное. Вообще еда из пансионата была первоклассная, в те времена вообще любили вкусно покушать. Иногда мы ходили к бабушке, где собиралась на веранде вся дача.

Важным событием были дни рождения. Тогда собирали вереск (Heidekraut), плели венок, который прикрепляли к входной двери, украшали его флажками, вешали в саду фонари и устраивали детский день рождения, на который приходили дети из соседних дач. Обычно крендель и пирожные приносили от Uibo по ту сторону вокзала, там пекли прекрасные торты и пирожные, летом со свежими ягодами. Фрукты покупали у садовников.

Чем мы занимались? В основном в рядом расположенных лесах собирали ягоды, ближе к осени - грибы, а грибов тогда было много, не надо было даже далеко ходить. Купались в речке, а вечером всей еврейской колонией шли на вокзал встречать родителей.

Быт наш был элементарный. Туалет находился в сарае и был чрезвычайно ветхий. Один раз дядя Зали (муж Церны) провалился вместе с сидением в яму, был по пояс в говне. Это было незабываемое детское воспоминание.

Для разнообразия мы шли компанией в Peedu и Varpamae. В Пеэду был могучий лес с дубом, который по легенде посадил Петр I. Вообще Peedu тоже было местом отдыха для жителей Тарту, но чисто эстонским, евреев в Peedu не пускали и они туда не стремились. Вообще местный антисемитизм проявлялся в том, что «шутники» заменили на станционном здании вывеску «Elva» на «Jerusalem». Эстонцы на евреях зарабатывали, но не любили.

Когда я стал взрослее, мне подарили детский велосипед, потом взрослый, и я много разъезжал по окрестностям Эльвы. Шоссейные дороги тогда были грунтовые и пустые. Не было машин и сельхозтехники. Единственные оживленные места были сельские лавки, где собирались хуторяне и то в небольшом количестве.

Дружили мы в основном с Кремерами-Пастернаками, т.е. с Саней Кремером и Толей Пастернаком. Эта дружба продолжалась также в городе. Саня Кремер был талантливый парень, можно сказать блестящий. Из него мог получиться крупный ученый. Судьба его была трагическая. Он был мобилизован в начале войны, попал на Урал и там умер от болезни. Его сестра вышла замуж за виолончелиста-пьяницу и позже уехала вместе с ним в Израиль. Толя Пастернак пустоватый тип, после войны был активен по партийной линии, я с ним прервал отношения. Из детей общались с Rajenson'ами. Папа Паенсон был зубной врач и еврейский общественный деятель. Shulamit, старшая дочь, скоро после войны умерла. Младшая Joli в Берлине. Кроме того, были еще Uzvanski, Kropman, Ginitsiski, Tparido, как видно все зажиточные еврейские семейства имели дачи в Эльве и пасли здесь летом детей.

К сожалению, подробности я больше не помню, так как время текло достаточно однообразно, по заведенному порядку. Честно говоря, самое сильное впечатление детских лет в Эльве - куриные котлеты пансионата Эйделькинд. Когда в 1934 году переехали в Таллинн, мы летом стали отдыхать в Нарва-Йыесуу и Вызу.

Нарва Йыесуу.

Так как мы жили в Тарту и папа там работал, мы естественно отдыхали в Эльве. Переехав в 1934 году в Таллинн, мы изменили место отдыха. Пару раз были в Вызу, а остальное

время в Нарва-Йыесуу - Усть-Нарва - или Hungerburg. Вызу не оставило следа в памяти, так как место было скучноватое. Папа имел автомашину «Форд», на которой мама училась ехать. Однажды она решила самостоятельно поехать и на малой скорости наехала на другую машину. И пришлось платить, а мама больше за руль не садилась. Сам папа однажды по дороге в Нарву наехал на столб, но столб сломался, а машина осталась цела, в те времена машины строили крепкие. Так вот - Вызу скучное место и у меня воспоминания о Вызу не остались. По дороге в Нарва-Йыесуу однажды мы с папой подъехали к поэту Северянину, но я ничего об этом визите не помню. Другой раз мы заехали к скульптору Меллику, который где-то около Силламяэ отдыхал.

А в Нарве я был вместе с папой. Помню висячий мост через канал у водопада, а водопад был тогда роскошный. запруда у электростанции еще не была построена. Нарва была красива, посетили домик Петра, но, честно говоря, ничего не помню. Водопад действовал сильнее.

Теперь о Нарва-Йыесуу. Это был роскошный курорт. Вся роскошь царского времени сохранилась. Казино работало, там были «Five o'clock"и» и богатая публика туда ходила. Действовала "Villa Cariccio", бывший особняк нарвского городского головы. Ее взорвали немцы в 1944 году. Там жили русские офицеры, а немцы заложили бомбу и взорвали вместе с офицерами. Мой бывший завкафедры Чернов спасся, он как вышел погулять. Был еще "Rannakohvik", туда я ходил на танцы. Там какой-то баритон пел опереточные песни, а мы, молодежь, брали морс и слушали. Сейчас "Rannakohvik" не существует, сгорел во время войны.

Жили мы в пансионате "Fridau". Кормили там потрясающе. Вообще в старой Эстонии кормили потрясающе, жареные цыплята на общий стол приносили горами, также мороженое.

Чем мы занимались. Моя двоюродная сестра Мия крутила романы с великовозрастными кавалерами, среди них Ади Слуцкий, позже деятель радио (в советское время). Слуцкий был сердцеед. Это я хорошо помню. Сам я резался в бридж слевой Брашинским, остальных не помню. Резались целыми днями. Кроме того я любил плавать. А плавал я хорошо. Доплывал до реки Наровы на границе с Россией. Однажды я чуть не погиб. Поплыл под плот и запутался в канатах. Но сумел выплыть, ну и напугался. Кроме того, мне нравилось кататься на лодке. Родители хотели меня научить играть в теннис. Учил нас какой-то знаменитый тренер. Меня не научил. Я уже тогда отличался замедленной реакцией. То же самое было с настольным теннисом и при моем динамизме как - то даже в дискуссиях я отличался замедленной реакцией. Вообще талантами не отличался. Странно, что мои воспоминания концентрируются на еде. Я например хорошо помню, что наша домработница Alviine умела замечательно готовить соусы. Например, куропатка с соусом из шпика была настоящим объединением. А питались мы сравнительно скромно. Папа предпочитал тратить деньги на книги и искусство.

Но хватало и на куропатку. Младшее поколение не может себе представить, как, например, кушали у бабушки! (в Тарту).

.....

Генсовский магазин и семья

Магазин "B.Genss & Pojad" находился на углу Kuuni и Pое, где стоял дом бабушки. Это было самое оживленное место Тарту, напротив Kaubahoov с магазинами, среди них обувной Рефеса. где мне покупали обувь. Рядом главный конкурент Бакшт. Напротив, через улицу, аптека Гиницских. а по Kuuni, несколько домов подалее. зубной врач Паенсон.. большой культуртрегер. Рядом площадь Varclay с памятником Барклаю де Толли Демут-Малиновского. А в глубине площади нынешняя гостиница, после войны штаб авиационного отряда, генерал был чеченец Дудаев. А до войны в этом доме была парикмахерская, где меня стригли.

Магазин Генсов был огромный, в два этажа. На первом галантерейный отдел, а наверху «en gros». Там был склад, откуда товар развозили по всей Эстонии - в основном южной. На первом этаже командовали дяди Зали и Колли (Нафтали), Зали стоял за кассой и делал всё для того, чтобы разорить магазин. Касса всегда была открыта для родственников, которые этой возможностью пользовались достаточно часто. Второй этаж был хозяйством Мозеса

Генса. двоюродного брата моих дядей, он тоже не очень делал разницу между своим и казенным. Мозес отец Эли Генс. ныне живущая в Штутгарте.

Я обожал второй этаж. Там валялись в ящиках сотни пистолетов, там были йо-йо, очень популярная в те времена игрушка. Я был виртуоз йо-йо. сотни раз поднимал и опускал два диска, обматывавших шнур, сворачивавшийся при подъеме руки. Занятие дурацкое, но увлекательное. На третьем этаже была квартира бабушки. Там. в одном крыле, жил дядя Носсон. Его квартирка состояла из двух комнат. В передней - кабинет, а в задней, несколько ступенек ниже, темной - его спальня. Перед квартирой Носсона находилась узкая комната. Там. однажды, спала Бетти Генс, жена Джо. тогда невеста, приехавшая жениться. Джо к магазину отношения не имел. Джо (Иосиф) тогда младший брат, предприимчивый, основывал фабрики, чтобы их затем продавать (пуговиц, а потом алюминиевой посуды). Джо был очень сильный, все Генсы были гимнасты, помню, что он одной рукой поднимал свою довольно полную жену. Джо вообще завидовал коллекционированию папы, собирал слоновую кость. Всю свою коллекцию он забрал в Израиль, куда уехал в 30-е. Там находился в Тел-Авиве участок земли, купленный дедушкой Бером (на самом деле - в Хайфе - И.Г.) Насчет Джо лучше знает Инна.

...

Генсы жили на "Рое". Там был громадный дом. принадлежавший дедушке. Одно крыло выходило на Ратушную площадь, там на 3. этаже жили мы. Со стороны Поэ в крыле жили Колли и Джо, а со стороны реки Эмайыги дядя Зали. У дяди Зали была огромная спальня с огромным гарнитуром из карельской березы, заказанный по проекту папиного друга Бориса Криммера. известного архитектора, академика Петербургской Академии художеств. Два кресла принадлежали Зали еще после войны, он их продал, когда семья была в денежных затруднениях (из-за аптеки в Эльве). Кресла были огромные, а поскольку я помню двухспальную кровать - тоже. Квартиры дядей я помню неважно, лучше Колли, так как я приезжая в Тарту, останавливался у него и тети Сони. Там была спальня, столовая, гостиная с роялем. Соня играла и. в общем, неплохо. А отдельно, уже после парадной двери, был еще отсек, где находился большой кабинет дяди Колли, заполненный книгами по еврейской религиозной истории. Он и Носсон увлекались еврейской историей. Носсон историей евреев в Эстонии, выпустил даже в печати книжку про таллинскую синагогу и предисторию синагоги. Колли занимался историей еврейской религии. Колли был верующий и аккуратно ходил в синагогу. Зали тоже. Места у них были почетные у восточной стены. Там молились самые богатые евреи. Дело в том, что, когда строили синагогу в начале 20-го века, то собирали деньги. Самые почетные места были в первом ряду с востока, конечно Бер Генс дал деньги и он получил два места с востока в первом ряду. Я это хорошо помню, так как мы мальчишки в еврейские праздники болтались в синагоге. Папа. Носсон. Джо в синагогу не ходили. Зали был еще пожарником. Специальные сборы пожарников в депо на берегу Эмайыги служили главным образом для того, чтобы выпить. А Зали выглядел импозантным в каске, канатом через плечо, топориком. Это развлекалось мещанство. Зали был наименее образованный из Генсов. Он еще входил в корпорацию «Лимувия». По-моему, это было место, где евреи безнаказанно выпивали.

Носсон и Коля были членами "Akademischer Verein", там собирались интеллигенты. А в те времена были модными всякие Verein'ы. у немцев тоже. Ведь телевизоров не было. В моде были интеллигентные способы времяпровождения.

Тетя Люба (Брашинская) жила в бывшей гостинице "Bellevue" на берегу Эмайыги, но с другой стороны. Её квартиру я помню плохо (а я - хорошо И.Г.). Дочка Ата (Беата) была симпатичная, а ее брат Леня был умственно отсталый. "Bellevue" принадлежал Любе и Носсону. Носсон получал квартирную плату и жил безбедно, но скучно. Не умел прожигать деньги. Муж Любы, как и все Брашинские, был человеком предприимчивым и занимался домом. Он даже построил кинотеатр в бывшем ресторане гостиницы. У меня сохранилась какая-то посуда из гостиницы. Надписи были на немецком языке. Герман Брашинский был человек очень сильный, вырывал деревья с корнями, но мало симпатичный. Его племянник, шахматист, с которым я дружил до войны, живет ныне в Вильянди. зовут его Лева, он учитель математики. Брашинские были сосланы в Сибирь. Инна об этом напишет лучше. Портрет Любы висит у меня дома.

Так выглядит моя семья. Самые живые родственники были на мой взгляд Джо и Бетти. Самая скучная пара были Колли и Соня, затем Зали и Церна, живет Люба и Герман

